НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА ШАРАПЕНКОВА
 доктор филологических наук, профессор, и. о. заведующе-
 го кафедрой скандинавской филологии филологического
 факультета, Петрозаводский государственный универси-
 тет (Петрозаводск, Российская Федерация)
natshar@mail.ru

КОНЦЕПТ «ХУДОЖНИК» В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Т. МАННА*

Предпринята попытка провести одну, ключевую тему художника в двойном, соотносимом – модальном – звучании (человек как художник и художник как человек), реализованную применительно к Т. Манну в емком определении Х. Курцке «das Leben als Kunstwerk» («жизнь как художественное произведение»). В современной науке творчество Т. Манна (1875–1955) относят к «неклассическому» типу поэтики – к поэтике художественной модальности. Новая концепция образа человека как становящегося и неготового сформировала на этом этапе развития художественного сознания и иное восприятие художника. Концепт «художник» подвергся в начале XX века радикальному пересмотру: в данной статье речь идет не о художнике-литераторе, беллетристе, а о художнике жизни. Он теперь не только творец новых образов, призванных возбудить то или иное чувство, навеять то или иное настроение, но художник-демиург, создающий миры. У Т. Манна очень рано формируется ключевое для понимания данной темы понятие «Lebensform» («жизненная форма», «форма жизни») или «Daseinsform» («форма существования», «форма бытия»). Роман «Королевское высочество» (1909) интерпретируется в статье не в сугубо лингвостилистическом или литературоведческом планах, а через расшифровку новой концепции человека, зашифрованной в концепте «художник». «Королевское высочество», как это проанализировано в статье, это произведение с определенным уклоном в иносказание, роман о искусстве и художниках, которые не творят тексты, а практикуют жизнь («Lebenskunst»).

Ключевые слова: роман о художнике, концепт, поэтика художественной модальности

Видные современные ученые А. В. Михайлов, С. С. Аверинцев, С. Н. Бройтман в труде «Историческая поэтика», развивая идеи А. Н. Веселовского, обосновали представление о мировом литературном процессе как смене трех стадий развития поэтики (эпоха синкретизма, или мифопоэтическая; эйдетическая, или риторическая; поэтика художественной модальности, или индивидуально-творческая) [1; 335]. Последняя стадия – поэтика художественной модальности – формируется в эпоху романтизма, в которой происходит «культурный перелом» в художественном сознании. Романтизм реализует новое понимание мира и человека как «неготового», «становящегося» и «непрерывно творимого». Мир на этом этапе литературного процесса предстал в своем единстве не как явление и не как идея, а как модальное соотношение этих двух начал. Следующий этап развития поэтики художественной модальности – эпоха рубежа XIX–XX веков, которую в филологической науке традиционно определяют через ключевые понятия «декадентство», «символизм», «импрессионизм», «Jugendstil», «литературный модернизм» (literarische Moderne). В «неклассических текстах» традиционный подход к героям через категории характера не исчерпывает всех возможностей понимания этих образов. По словам С. Н. Бройтмана, человек в таких произведениях предстает «как изменяющаяся внутренняя

мера “Я” и “другого”, как подвижное, модальное, “двухполюсное” их взаимоотношение» [1; 258].

Крупнейший художник слова Т. Манн предвосхитил и во многом определил неторные пути развития мировой литературы XX века, прежде всего в области обновления повествовательных форм с интеллектуальным романом во главе. Именно «интеллектуальный роман», у истоков которого стоял Т. Манн, автор самого наименования, стал «жанром, впервые реализовавшим одну из характерных <...> особенностей реализма XX в. – обостренную потребность в интерпретации жизни, ее осмыслении, истолковании, превышавшую потребность в “рассказывании”, воплощении жизни в художественных образах» [8; 195].

Роман «Королевское высочество» вышел в свет в 1909 году, в эпоху мировых катаклизмов и потрясений, в ситуации «канунов» – «конца Любека» (Томас Манн). К этому роману, словно бы оправдывая самооценку автора – «золушка среди моих романов», исследователи как на Западе, так и в России проявляли снисходительно-прикладной интерес: «школярский (schulmäßiger) роман, а не значительное явление» (Х.-Р. Важе), «лишь вежа» на пути к поздним творениям (И. Дирзен), «идиллически-сказочный» (В. Адмони и Т. Сильман), «едва ли не самый слабый роман писателя» (Н. Н. Вильмонт), «далеко не лучшее произведение Т. Манна» (И. Эбаноидзе). В последнее время появились попытки но-

вого прочтения символического плана романа. Так, в недавнем исследовании Х. Курцке «Томас Манн» (2000) глава о «Королевском высочестве» открывает важнейший раздел монографии «Geschichten und Theorien über "Kunst" und "Künstler"» [10].

В творчестве Т. Манна «художник» используется именно как концепт, а также «на языке» поэтики художественной модальности – неузואльно, модально: герой раннего Т. Манна *как бы* художник, «художник» (в кавычках). Используя как термин понятие «художник», мы следуем и формально словупотреблению автора. Т. Манн (в полемике с братом Генрихом в письме от 18.02.1905) пишет: «Признаться, я думаю, ты ударился в другую крайность, перестав малопомалу быть чем-либо, кроме как художником, – а ведь писатель должен быть, да поможет мне бог, больше, чем просто художником» [7; 79–80].

В русской германистике продуктивный подход к особенностям постановки этой темы намечался в суждении А. В. Русаковой, оставшемся, к сожалению, неразвернутым: «Жизнь была тогда парадигмой искусства, знаком для его выражения, а не искусство – парадигмой жизни» [9; 98]. Применительно к концепту *художник* это фокусируется в понимании миссии творца в модально-двойственном соотношении: человек как художник и художник как человек. Именно по поводу «Королевского высочества» Т. Манн сформулирует одно из центральных положений своей эстетики: «Кто такой писатель? Тот, чья жизнь – символ. Я свято верю в то, что мне достаточно рассказать о себе, чтобы заговорила эпоха, заговорило человечество, и без этой веры я отказался бы от всякого творчества» [3; 35–36].

Т. Манн безапелляционно и резко отвел в своем манифесте «Бильзе и я» (1906) досужие разговоры о сходстве «Будденброков» с бытописательским романом офицера-дилетанта «Маленький гарнизон» [9]. Появление «Королевского высочества» (1909) также не обошлось без публичного выяснения отношений автора с властью имущими в Германской империи: «Я не питал ни малейшего желания дать объективную критику современной придворной среды <...> я и на этот раз говорил о своей собственной жизни...» [9; 34, 36].

«Человек» и «художник» – эти два полюса «неслиянно и нераздельно» присутствуют в творческом поведении личности в культуре начала века. Иначе говоря, в литературе того времени на первом месте не стиль слова, а стиль жизни – *форма жизни* («Lebensform» у Т. Манна). Как для ученика Ницше, для немецкого писателя здесь встает вопрос о средствах эстетизации этой жизни, чтобы сделать ее искусством. У Т. Манна в аспекте человек/художник, помимо стиля, резко выдвинута категория *формы*. Кате-

гория «Lebensformen» у Т. Манна имеет прямое отношение к практике символического, то есть эстетического пересоздания потока жизни в некое подобие произведения. Подлинная «форма» выковывается в противодействии обстоятельствам. Тонио Крёгер, герой одноименной новеллы, понимал, что «хорошее произведение создается лишь в борьбе с чрезвычайными трудностями, что тот, кто живет, не работает, и что надо стать по ту сторону жизни, чтобы творить великое искусство» [6; 214]. Художественное культивирование «формы» в построении собственной биографии и обусловит цельность творческого пути Т. Манна. По его собственным словам – «самоосознание судьбы, развертывающееся в едином творческом пространстве» [4; 182].

Т. Манн противопоставляет «живую форму» «формальности», то есть пустой форме. В романе «Королевское высочество» юный отпрыск, наследник престола попадает в положение, подобное андерсеновскому Каю: «... в Серебряном зале со множеством свечей было холодно, как в зале снежной королевы, где замерзали сердца детей» [5; 56]. Именно здесь он переживает «момент истины» – предчувствие своего предназначения как «высокого призвания» (Hoheit), обернувшегося для него холодом формальных предписаний: «...ему приоткрылся внутренний смысл явлений <...> он смутно понял, зачем это пустое, обветшалое великолепие покоев, бесполезных и безрадостных в своей гордыне, это самоотверженное умение владеть собой, высокое и напряженное служение, которое, казалось, олицетворяла строгая симметрия белых свечей...» [5; 61]. Удел героя «Королевского высочества» – наполнить эти обветшавшие формы теплокровной жизнью. Весь путь принца Клауса-Генриха в романе и представляет собою разворачивание и наполнение его «высокого призвания» (величие, призвание, изысканность, меланхолия, жизненная форма).

Удел творчества, как это предстает в романе и новелле «Тонио Крёгер», – не для всех. Т. Манн наделяет этим даром личности нестандартного поведения, отмеченные, как клеймом, талантом, – «проклятые».

Тема писательства у Т. Манна устойчиво связана с проблемой творческой личности, данной в синонимическом ряду: художник, писатель, литератор, наконец, родовое – поэт («Dichter»), а в откровенно-оценочном плане: пророк, шарлатан, святой, критик.

В основе задуманного в 1908 году эссе «Дух и искусство», восходящего к «Тонио Крёгеру» и пьесе «Фьоренца», лежит антитеза («чистый») художник/литератор (или «поэзия»/«проза» («Dichtung»/«Literatur»). Она связана со спором братьев Манн, примерявших в начале XX века разные творческие маски. «Литератор» понят

ими как носитель духа, отторженный от жизни. «Художник» же – как непосредственный, но и сомнительный рупор жизни. «Честолюбие, наивность, бессовестность» – таков набор качеств художника, по Т. Манну [7; 64]. Автор «Тонио Крёгера» не прочь и сам предстать в такой ипостаси: «...я слишком патологичен и инфантилен, слишком “художник”» [6; 69]. Т. Манн отдает брату Генриху Манну роль «святого литератора»: «...ты, в сущности, слишком добр, слишком благороден, чист, стыдлив, щепетилен и порядочен» [6; 69].

Л. И. Мальчуков отмечает, что уже в «Будденброках» «до удивления много места отведено искусству – как теме и как проблеме» [2; 273]. Более того, приведем наблюдения ученого о том, что повествование в этой *эпической саге о купцах* в финале приводит к неожиданной («детской») антитезе: гений-музыкант (Künstler) Ганно и писатель-сказочник (Schriftsteller) Кай.

Роман о принце «Королевское высочество» оборачивается как бы «романом о художнике». Х. Курцке отмечает: «...речь идет о романе, посвященном художнику (Künstlerroman). Принц – аллегорическое воплощение проблематики художника <...> Есть много общего, что связывает властителя и художника: их чувство исключительности, их одиночество, их отторженность от людских страстей, их ставкалишь на формальные моменты существования, их обоюдное влечение к лицедейству» [11; 83]. В методологическом отношении нам близка точка зрения У. Картхауса, который допускает терпимую множественность подходов в анализе содержания «Королевского высочества» (от социологического до сказочно-мифологического) при доминировании подлинной темы романа – темы искусства.

Истоки темы «человек как художник», ее «литературные корни» [12; 559] П. Мендельсон обнаружил в «Тонио Крёгере». В дискуссии с Ли-

заветой Ивановной герою утверждает: «Es ist aus mit dem Künstler, sobald er Mensch wird und zu empfinden beginnt» («Там, где начинается художник, кончается живой человек»). Т. Манн со всей решимостью поднимает в новелле вопрос о несовместимости мира художника и мира человека: «Нет на свете более мучительной проблемы, чем проблема художественного творчества и его воздействия на человека» [6; 221].

У Т. Манна выявление антиномий, главного принципа его мировидения, нацелено не на устройство «противоречий», а на поиск «путей их пересечения». Этот принцип играет роль своеобразного инструмента познания мира и человека. Искания немецкого писателя ведут к *живой* личности, моделью которой предстал у него «художник» – своего рода «фокус» преодоления противоречий (жизнь – дух, здоровое – больное, бюргер – художник).

Творчество Т. Манна представляет собой тот «особый тип вопрошания человека о своей сущности», который современная наука относит к «философской антропологии». Далеко не случайно, что в поисках ответа на эти «вопрошания» Т. Манн с его практикой парностей пытался разгадать «тайну» человека – драму его двуприродности – по формуле «соединение без смешения» (Spannung, но не Spaltung). Решение проблемы «художник» в ее двойственном преломлении у Т. Манна заключено, по сути, в искусстве, взятом в аспекте его верховных целей – духовного воздействия (Wirkung). Национальным вариантом ответа на этот вопрос, затрагивающий миссию художника в обществе, будет *представительство* (Repraesentation) как «совершенный образ множества» у Т. Манна. В свете вышесказанного представляется обоснованным вывод о том, что «Королевское высочество» Т. Манна – важная веха на пути выработки собственного типа творческого поведения.

* Работа выполнена в рамках реализации комплекса мероприятий подпроекта «Scandica: конвергенции в культуре стран Северной Европы» Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета на 2012–2016 годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бройтман С. Н. Историческая поэтика. М.: Изд-во РГГУ, 2001. 405 с.
2. Мальчуков Л. И. На грани двух сознаний. Диалогизм как принцип поэтики братьев Манн (1890–1910 гг.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1996. 525 с.
3. Манн Т. По поводу «Королевского высочества» // Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 9. С. 31–36.
4. Манн Т. Из дневников / Пред. И. Эбаноидзе «Тот, чья жизнь – символ» // Новый мир. 1996. № 1. С. 181–202.
5. Манн Т. Королевское высочество // Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 2. С. 7–358.
6. Манн Т. Тонио Крёгер // Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1959. Т. 7. С. 194–259.
7. Манн Г., Манн Т. Эпоха; Жизнь; Творчество. Переписка. М., 1988. 413 с.
8. Павлова Н. С. «Интеллектуальный роман» // Зарубежная литература XX века / Л. Г. Андреев, А. В. Карельский, Н. С. Павлова. М.: Высш. шк., 2000. С. 194–251.
9. Русакова А. В. Томас Манн в поисках «нового гуманизма». Л.: Изд-во ЛГУ, 1969. 158 с.
10. Kurzke H. Thomas Mann. Das Leben als Kunstwerk. Wuerzburg, 2000. 683 s.
11. Kurzke H. Thomas Mann. Epoche-Werk-Wirkung. Muenchen, 1991. 213 s.
12. De Mendelssohn P. Der Zauberer. Das Leben des deutschen Schriftstellers Th. Mann. Erster Teil. 1875–1918. Fr/M, 1975. 754 s.

Sharapenkova N. G., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

CONCEPT OF “ARTIST” IN EARLY WORKS OF TH. MANN

The article deals with the study of one of the main topics – the “Artist” expressed in the double – modal presentation (a human being as an artist and an artist as a human being) of Th. Mann. His work and life were characterized by X. Kurzke statement: *das Leben als Kunstwerk* (life as an artwork). In contemporary studies, the work of Th. Mann is identified as a non-classical type of poetics, as poetics of an art modality. A new concept of a human being as a becoming but not yet an accomplished being led to a totally new perception of the artist at this stage of the new art consciousness development. The concept of an “Artist” was revised at the beginning of the XXth century. This article is not concerned with the issue of an artist as a writer, but – with an artist of life. He is viewed now not only as a creator of new images facilitative in setting moods and feelings, but as an artist-demiurge who creates new worlds. The key meaning to understanding the issue of “Lebensform” (form of life) or “Daseinsform” (form of being) appears in Th. Mann’s works rather early. Due to its peculiar linguistic style the novel “King’s Highness” (1909) is traditionally interpreted as a literature artwork. In this article thought is also interpreted by means of decoding a new concept of a human being encrypted in the concept of an “Artist”. “King’s Highness”, as this research shows, is a work of allegory, a novel about the art and the artist, who does not only create texts but practices life (“Lebenskunst”).

Key words: novel about an artist, concept, poetics of art modality

REFERENCES

1. Brojtmán S. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moscow, Izd-vo RGGU, 2001. 405 p.
2. Mal’chukov L. I. *Na grani dvukh soznaniy. Dialogizm kak printsip poetiki brat’ev Mann (1890–1910 gg.)* [On the edge of two consciousnesses. Dialogism as a principle of brothers’ Manns poetics (1890–1910)]. Petrozavodsk, Izd-vo PetrGU Publ., 1996. 525 p.
3. Mann T. “King’s Highness” [Po povodu “Korolevskogo vysochestva”]. *Sobranie sochineniy: V 10 t.* [Works collection in 10 b.]. Moscow, GIKhL Publ., 1960. Vol. 9. P. 371–378.
4. Mann T. From the diaries / Intr. I. Ebanoidze “Whose life is a symbol” [Iz dnevnikov / Pred. I. Ebanoidze “Tot, ch’ya zhizn’ – simvol”]. *Novyy mir*. 1996. № 1. P. 181–202.
5. Mann T. King’s Highness [Korolevskoe vysochestvo]. *Sobranie sochineniy: V 10 t.* [Collection of works in 10 b.]. Moscow, GIKhL Publ., 1959. Vol. 2. P. 7–358.
6. Mann T. Tonio Krjoger [Tonio Kryeger]. *Sobranie sochineniy: V 10 t.* [Collection of works in 10 b.]. Moscow, GIKhL Publ., 1959. Vol. 7. P. 194–259.
7. Mann G., Mann T. *Epokha; Zhizn’; Tvorchestvo. Peregiska* [Époque. Life. Works. Correspondence]. Moscow, 1988. 413 p.
8. Pavlova N. S. “Intellectual novel” [“Intellektual’nyy roman”]. *Zarubezhnaya literatura XX veka* [Foreign Literature of the XXth century] / L. G. Andreev, A. V. Karel’skiy, N. S. Pavlova. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2000. P. 194–251.
9. Ruskova A. V. *Tomas Mann v poiskakh “novogo gumanizma”* [Thomas Mann in search of new humanism]. Leningrad, Izd-vo LGU, 1969. 158 p.
10. Kurzke H. *Thomas Mann. Das Leben als Kunstwerk*. Wuerzburg, 2000. 683 s.
11. Kurzke H. *Thomas Mann. Epoche-Werk-Wirkung*. Muenchen, 1991. 213 s.
12. De Mendelssohn P. *Der Zauberer. Das Leben des deutschen Schriftstellers Th. Mann. Erster Teil. 1875–1918*. Fr/M, 1975. 754 s.

Поступила в редакцию 02.10.2014